

Глава I

На Страшный суд идти и вам.
Чужой не презирайте храм,
Где Будде курят фимиам
Язычники в Камакуре!

Будда в Камакуре

Вопреки запрещению муниципальных властей, он сидел верхом на пушке Зам-Заме, стоявшей на кирпичной платформе против старого Аджайб-Гхара, Дома Чудес, как туземцы называют Лахорский музей. Кто владеет Зам-Замой, этим «огнедышащим драконом», — владеет Пенджабом, ибо огромное орудие из позеленевшей бронзы всегда служит первой добычей завоевателя.

Но Кима, пожалуй, можно было оправдать. Он спихнул с цапфы* пушки сынишку Лалы Динантха, поскольку англичане владели Пенджабом, а Ким был англичанин. Хотя он был загорелым до черноты, не хуже любого туземца, хотя предпочитал говорить на местном диалекте, ибо на своем родном языке изъяснялся плохо, путаясь и проглатывая слова, хотя водился с базарными мальчишками на началах полного равенства, Ким

* Ц а п ф а — цилиндрический выступ, закрепляющий ствол пушки на лафете.

был белым — бедным белым из самых беднейших. Метиска, у которой он воспитывался (она курила опиум и держала лавочку старой мебели на площади, где стояли дешевые извозчики), уверяла миссионеров, что она сестра его матери, но мать Кима была няней в семье одного полковника и вышла замуж за Кимбола О'Хару, молодого знаменщика ирландского полка Меверикцев. Впоследствии знаменщик поступил на Синдо-Пенджабо-Делийскую железную дорогу, и полк его вернулся на родину без него. Жена умерла от холеры в Фирозпуре, а О'Хара начал пьянствовать и таскаться вверх и вниз по линии вместе с востроглазым трехлетним младенцем. Благотворительные общества и капелланы, беспокоясь за ребенка, пытались его отобрать, но О'Хара перебирался дальше, пока не встретился с женщиной, которая курила опиум. Он перенял от нее эту привычку и умер, как умирают в Индии неимущие белые. Ко времени смерти все его имущество сводилось к трем бумагам: одну из них он называл своим *ne varietur**, ибо эти слова стояли на ней под его подписью, а другую — своим «свидетельством об увольнении». Третьей была метрика Кима. Эти бумаги, говаривал он в блаженные часы после трубки опиума, сделают из маленького Кимбола человека. Ни в коем случае не должен Ким расставаться с ними, ибо они являются атрибутами великого колдовства, которым занимаются люди там, за Музеем, в большом синем с белым — Джаду-Гхаре — Волшебном Доме, как мы называем

* *Ne varietur* (лат.) — изменению не подлежит.

масонскую ложу*. Он говорил, что наступит день, когда все пойдет хорошо и охотничий рог Кима будет высоко вознесен меж столпами, громадными столпами красоты и мощи. Сам полковник верхом на коне, во главе лучшего в мире полка, будет сопровождать Кима, маленького Кима, который пойдет дальше своего отца. Девятьсот перворазрядных дьяволов, чей бог — Красный Бык на зеленом поле, будут служить Киму, если они не забыли О'Хару, бедного О'Хару, десятника на Фирозпурской линии. Потом он начинал горько плакать, сидя на веранде в сломанном камышовом кресле. Итак, после его смерти женщина зашила пергамент, бумагу и метрику в кожаный гайтан и повесила его Киму на шею.

— Наступит день, — сказала она, смутно припоминая пророчества О'Хары, — и к вам придет большой Красный Бык по зеленому полю и полковник верхом на высоком коне и, — тут она перешла на английский язык, — и девятьсот дьяволов...

— А, — промолвил Ким, — я запомню. Явятся Красный Бык и полковник верхом на коне, но отец говорил, что сначала придут два человека, чтобы подготовить почву. Отец говорил, что так они всегда делают и так бывает, когда люди занимаются колдовством.

Если бы женщина послала Кима с этими бумагами в местный Джаду-Гхар, провинциальная ложа, конечно, забрала бы его и послала в масон-

* Масонство — религиозно-этическое движение, возникшее в Англии в начале XVIII в. Объединения масонов — ложи — имеют разную политическую ориентацию.

ский сиротский приют, в Горы, но она относилась с недоверием ко всему, что слышала о колдовстве. Ким тоже имел на этот счет свое мнение. Выйдя из младенческих лет, он научился избегать миссионеров и белых людей с серьезными лицами, которые расспрашивали его, кто он такой и что делает, ибо Ким с огромным успехом ничего не делал. Правда, он знал чудесный, окруженный стенами город Лахор, начиная от делийских ворот и до форта Дитча; был запанибрата с людьми, которые вели жизнь столь странную, что она и Харун-ар-Рашиду* не могла бы во сне присниться, и сам жил безумной жизнью героев «Тысячи и одной ночи», но миссионеры и секретари благотворительных обществ не могли понять ее красоты. В городе его прозвали Дружком Всего Мира; и очень часто, будучи гибким и незаметным, он ночью на кишевших людьми крышах исполнял поручения лошенок и блестящих молодых людей из высшего света. Конечно, поручения эти были связаны с любовными интригами, — это-то он понимал, ибо успел узнать все дурное, едва начал говорить, — но он любил игру ради самой игры: бесшумное скольжение по темным улицам и переулкам, лазанье по водосточным трубам, ночные тени и звуки женских голосов на плоских кровлях и стремительное бегство с крыши на крышу под покровом жаркой тьмы. Он вел тесную дружбу со святыми людьми, обсыпанными золой факирами, сидящими у кирпичных храмов, под деревьями, на речном берегу; приветствовал

* Герой сказок «Тысяча и одна ночь», арабский халиф из династии Аббасидов.

их, когда они возвращались со сбора милостыни, и, если никого не было поблизости, ел с ними из одной чашки. Воспитательница его настаивала со слезами, чтобы он носил европейский костюм — штаны, рубашку и потертую шляпу, но Ким считал более удобным одеваться как индус или мусульманин, когда занимался некоторыми делами. Один из светских молодых людей — тот самый, которого нашли мертвым на дне колодца в ночь землетрясения, — подарил ему однажды полное индуистское одеяние — костюм уличного мальчика низкой касты, и Ким спрятал его в потайном месте, под балками на деревянном складе Нила-Рама, за Пенджабской судебной палатой, где душистые деодаровые бревна сохнут после сплава по реке Рави. Готовясь к работе или проказам, Ким надевал свое «имущество» и под утро усталый возвращался на веранду, накричавшись в свадебной процессии или навизжавшись на индуистском празднестве. Иногда в доме оказывалась пища, но чаще ее не было, и Ким шел поесть со своими туземными друзьями.

Барабаня пятками по Зам-Заме, он то и дело отвлекался от игры «в короля и замок», которой занимался с маленькими Чхота-Лалом и сыном продавца сладостей Абдуллой, чтобы сделать оскорбительное замечание по адресу туземца-полицейского, сторожившего обувь посетителей, рядами выставленную у дверей Музея. Рослый пенджабец снисходительно ухмылялся: он давно знал Кима. Знали его и водонос, поливавший пыльную улицу из мешка козлиной кожи, и музейный столяр Джавахир-Сингх, склонившийся над новыми упаковочными ящиками, и все, кто были поблизости,

за исключением крестьян, спешивших в Дом Чудес поглядеть на вещи, сделанные в их округе и других местах. В Музее были собраны образцы индийского искусства и ремесел, и всякий человек, ищущий знания, мог попросить объяснений у хранителя.

— Прочь! Прочь! Пусти меня наверх! — кричал Абдулла, карабкаясь по колесу Зам-Замы.

— Отец твой был пирожник, а мать украла гхи*, — пел Ким. — Все мусульмане давным-давно свалились с Зам-Замы.

— Пусти меня! — визжал маленький Чхота-Лал. На голове у него была шапочка, вышитая золотом, а состояние его отца достигало полумиллиона фунтов стерлингов, но Индия — единственная демократическая страна в мире.

— Индусы тоже свалились с Зам-Замы. Мусульмане спихнули их. Отец твой был пирожник...

Он умолк, ибо из-за угла, со стороны шумного Моти-Базара, волоча ноги, шел человек, подобного которому Ким, полагавший, что знает все касты, никогда не видел. Ростом он был около шести футов, одет в собранную бесчисленными складками темноватую ткань вроде лошадиной попоны, и ни в одной из этих складок Ким не мог отыскать признаков какой-либо известной ему отрасли торговли или профессии. За поясом у него висели длинный железный пенал ажурной работы и деревянные четки, какие носят святые. На голове у него была шапка, похожая на огромный берет. Лицо желтое и морщинистое, как у Фук-Шина, базарного баш-

* Топленое масло.

мачника-китайца. Глаза, чуть скошенные кверху, казались шелками из оникса.

— Это кто? — спросил Ким у товарищей.

— Должно быть, человек, — ответил Абдулла, выпучив глаза и засунул палец в рот.

— Без сомнения, — подтвердил Ким, — но он не похож ни на одного индийца, которого я когда-либо видел.

— Может, он жрец, — сказал Чхота-Лал, заметив четки. — Гляди! Он идет в Дом Чудес!

— Нет, нет, — произнес полицейский, качая головой, — я не понимаю вашего языка. — Полицейский говорил на пенджаби. — Эй, Друг Всего Мира, что он такое говорит?

— Пошли его сюда, — сказал Ким и, сверкнув голыми пятками, соскочил с Зам-Замы. — Он — чужеземец, а ты — буйвол.

Человек растерянно повернулся и направился к мальчишкам. Он был стар, и от шерстяного халата его еще несло неприятным запахом чернобыльника горных ущелий.

— О дети, что это за большой дом? — спросил он на хорошем урду.

— Это Аджайб-Гхар. Дом Чудес! — Ким, отвечая старику, не употребил ни одного из обычных обращений, как, например, лала или миян. Он не мог угадать вероисповедание этого человека.

— А! Дом Чудес! А можно войти туда?

— Над дверью написано, что все могут входить.

— Бесплатно?

— Я вхожу и выхожу, а я не банкир, — засмеялся Ким.

— Увы! Я старый человек. Я не знал. — И, перебирая четки, старик обернулся в сторону Музея.

— Какой вы касты? Где ваш дом? Вы пришли издалека? — спрашивал Ким.

— Я пришел через Кулу, из-за Каиласа, но что вы об этом знаете? С Гор, — тут он вздохнул, — где воздух и вода свежи и прохладны.

— Ага! Хитаи (китаец), — гордо произнес Абдулла. Фук-Шин как-то раз выгнал его из своей лавки за то, что он вздумал плевать на божка, стоявшего над обувью.

— Пахари (горец), — промолвил маленький Чхота-Лал.

— Да, дитя, горец, с Гор, которых ты никогда не увидишь. Ты слышал о Бхотияле (Тибете)? Я не хитаи, я хотяя (тибетец), лама, или, скажем, гуру* по-вашему, раз уж ты хочешь знать.

— Гуру из Тибета, — промолвил Ким. — Таких я еще не видывал. Значит, в Тибете есть индусы?

— Мы — последователи Срединного Пути и мирно живем в наших монастырях, а я собрался посетить Четыре Священных Места раньше, чем умру. Ну, теперь вы — дети — знаете столько же, сколько я — старик. — Он добродушно улыбнулся мальчикам.

— Ты ел?

Он порылся у себя за пазухой и вытащил потертую деревянную чашу для сбора подаяния. Мальчики кивнули. Все знакомые им жрецы просили милостыню.

— Сейчас я есть не хочу. — Он поворачивал голову, как старая черепаха на солнце. — Правда

* Наставник, учитель у индусов.

ли, что много священных изображений хранится в лахорском Доме Чудес? — Он повторил последнее слова, как бы желая удостовериться, что адрес правилен.

— Это верно, — сказал Абдулла. — Он набит языческими бутами. Значит, ты тоже идолопоклонник?

— Не обращай на него внимания, — сказал Ким. — Это — правительственный дом и там нет идолопоклонства, а только сахиб с белой бородой. Пойдем со мной, я тебе покажу.

— Чужеземные жрецы едят мальчиков, — прошептал Чхота-Лал.

— А он чужеземец и бут-параст (идолопоклонник), — сказал мусульманин Абдулла.

— Он — новый человек. Бегите к своим матерям, спасайтесь у них на коленях. Пойдем!

Ким с треском повернул турникет, автоматически регистрирующий посетителей. Старик последовал за ним и остановился в изумлении. В вестибюле стояли самые крупные образцы греко-буддийской скульптуры, созданные — ученые знают когда — забытыми мастерами, чьи искусные руки таинственным образом сумели придать своим произведениям греческий стиль. Тут были сотни экспонатов: фризы с рельефными фигурами, фрагменты статуй, усеянные фигурами плиты, которые некогда покрывали кирпичные стены буддийских ступ* и вихар** Северной Страны, а ныне,

* Ступа — поминальное сооружение у буддистов; имеет форму купола, поставленного на четырехугольное основание.

** Вихара (вихора) — буддийский монастырь.

откопанные и снабженные ярлыками, были гордостью Музея. С раскрытым от изумления ртом лама поворачивался то в одну, то в другую сторону и наконец застыл в восхищении перед большим рельефом, изображавшим коронавание, или апофеоз, Будды. Учитель был представлен сидящим на лотосе, лепестки которого были высечены так глубоко, что, казалось, почти отделялись от плиты. Вокруг него в благоговении расположилась целая иерархия царей, старейшин и древних Будд. Внизу были покрытые лотосами воды с рыбами и водяными птицами. Два Дева* с крыльями, как у бабочек, держали венки над его головой. Над ними два других несли зонт, увенчанный головным убором Бодисатвы**, усеянным драгоценными камнями.

— Владыка! Владыка! Это сам Шакьямуни!*** — Лама чуть не всхлипывал. Он потихоньку начал напевать чудесную буддийскую молитву:

Его Закон, его и Путь.
Его вскормила Майи**** грудь...
Ананды***** другу верным будь.

— И он здесь! Наивысший Закон тоже здесь! Мое паломничество хорошо началось. И какая работа! Какая работа!

— Сахиб вон там, — сказал Ким и проскользнул вбок, между шкафами отдела искусств и ре-

* Дева — божество у индусов; у мусульман — злой дух.

** Бодисатва (бодхисатва) — в буддизме идеальное существо, наставник и образец для других людей.

*** Одно из имен Будды.

**** Майя (Махамайя) — мать Будды.

***** Ананда — двоюродный брат и последователь Будды.

месел. Белобородый англичанин смотрел на ламу, а тот важно повернулся, поклонился ему и, порывшись в халате, вытащил записную книжку и клочок бумаги.

— Да, это мое имя, — улыбнулся хранитель, глядя на детские неуклюжие печатные буквы.

— Один из нас, совершивший паломничество по святым местам, — теперь он настоятель монастыря Ланг-Чо — сообщил его мне, — запинаясь произнес лама. — Он рассказывал обо всем этом. — Лама сделал широкий жест худой дрожащей рукой.

— Добро пожаловать, о лама из Тибета! Тут хранятся священные изображения, я же, — он взглянул ламе в лицо, — нахожусь здесь, чтобы накапливать знания. А сейчас пройдем в мой кабинет. — Старик дрожал от волнения.

Кабинет был просто-напросто чуланом, отделенным деревянной перегородкой от галереи, где были выставлены статуи. Ким лег на пол, приложив ухо к щели в растрескавшейся от жары кедровой двери, и, повинувшись своему инстинкту, приготовился подслушивать и наблюдать.

Большая часть беседы была ему совершенно непонятна. Лама вначале нерешительно рассказывал хранителю о своем родном монастыре Сач-Зене, расположенном против Крашенных Скал, на расстоянии четырех месяцев пути отсюда. Хранитель вынул огромный альбом с фотографиями и показал ему этот монастырь, громоздящийся на скале над обширной долиной, сложенной из геологических слоев разных оттенков.

— Да, да! — Лама надел роговые очки китайской работы. — Вот калитка, через которую мы носим

дрова к зиме. И ты... и англичане знают об этом? Теперешний настоятель Ланг-Чо говорил мне это, но я не верил. А владыка — Всесовершенный — он тоже пользуется здесь почетом? И его жизнь известна?

— Вся она высечена на камнях. Пойдем посмотрим, если ты отдохнул.

Лама, волоча ноги, побрел в главный зал и вместе с хранителем стал осматривать коллекции с благоговением верующего и чутьем художника.

Этап за этапом он перебрал прекрасную повесть, запечатленную на истертом камне, по временам сбиваемый с толку непривычными условностями греческого стиля, но как ребенок радуясь каждой новой находке. Там, где нарушалась последовательность событий, как, например, в Благовещеньи, хранитель восполнял ее устно и при помощи книг — французских и немецких — с фотографиями и репродукциями.

Тут был изображен благочестивый Асита, тождественный Симеону в христианском предании: он держал на коленях божественного младенца, к которому прислушивались отец и мать, а там — эпизоды легенды о двоюродном брате Девадатте. Тут стояла в смущении злая женщина, обвинившая Учителя в нарушении целомудрия; там изображались проповедь в Оленьем парке и чудо, ошеломившее огнепоклонников; здесь — Бодисатва в образе царя, чудесное рождение, смерть в Кусинагаре, где слабый ученик потерял сознание. Созерцание под деревом Бодхи повторялось без конца, и повсюду были изображения поклонения чаше для сбора милостыни. Спустя несколько минут хранитель понял, что гость его не простой перебирающий четки

нищий, а настоящий ученый. И они опять пересмотрели все с начала до конца, причем лама то и дело брал понюшку табаку, протирал свои очки и с быстротой поезда говорил на удивительной смеси урду и тибетского. Он слышал о путешествиях китайских паломников Фа-Сяня и Хуань-Цана и хотел узнать, имеется ли перевод их сочинений. Он сдерживал дыхание, беспомощно перелистывая книги Била* и Станислава Жюльена**.

— Все это есть здесь. Сокрытое сокровище!

Потом он сосредоточился, чтобы в благоговении выслушать цитаты, наспех переведенные на урду. Впервые он слышал о трудах европейских ученых, которые с помощью этих и сотен других источников определили места священных событий буддизма. Потом ему была показана огромная карта с точками и черточками, нанесенными желтой краской. Коричневый палец следовал за карандашом хранителя от пункта к пункту. Тут был Капилавасту, там — Срединное Царство, здесь — Махабоди, буддийская Мекка, а там — Кусинагара, овечьное скорбью место, где скончался святитель. Старик в молчании склонил голову над листами, а хранитель закурил вторую трубку. Ким заснул. Когда он проснулся, беседа, которая все еще продолжалась, стала более доступной для его понимания.

— Вот так и случилось, о источник мудрости, что я решил пойти по святым местам, где ступала его нога: на место рождения, вплоть до Капилы, потом в Маха-Бодхи, которое теперь называется

* Бил С. (1825–1889) — английский китаевед и буддолог.

** Жюльен С. (1799–1873) — французский китаевед.